

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию:

Борисов Н. А.

Смерть как проблема социальной философии. Специальность 09.00.11 – Социальная философия. Дисс. ...канд. филос. наук. / Научный руководитель – доктор филос. наук, канд. ист. наук Т. Г. Скороходова. – Пенза: Пензенский гос. университет, 2019. – 147 с.

Передо мной – интереснейший диссертационный текст, посвященный социально-философскому подходу к *феномену смерти*, но подходу, широко и глубоко приоткрывающему богатство проблемных связей внутри самого философского знания: связей с философской антропологией, философией культуры, философией истории, социологией. Вместе с тем, диссертация Н. А. Борисова возвращает нас к одной из базовых и, вероятно, изначальных интуиций мировой философии, высказанной еще Платоном: без мужества в осмыслении феномена смерти невозможна и подлинная глубина философского понимания Бытия¹.

Но это не всё. Диссертация Николая Андреевича заставляет лишний раз призадуматься о том, что социально-философский подход к проблематике смерти (если вспомнить Владимира Янкелевича, – не только «чужой» смерти, но и Нашей-с-вами-смерти!) приоткрывает и новые горизонты связей философии как таковой с рядом наук, выходящих за общепринятые пределы знаний философского круга. Причем знаний не только социо-гуманитарных (историография, религиоведение, юриспруденция, искусствознание, история литературы...). Речь может идти и о множестве познаний естественно-научного плана: физическая космология, биология, популяционная генетика, медицина²... И в этом

¹ См.: Федон 67e – 68c.

² См.: *Кристиан Д.* Большая история. С чего всё начиналось и что будет дальше / Пер. с англ. А. Д. Громовой. – М.: Колибри, 2019.

междисциплинарном богатстве – одна из предпосылок общенаучной и собственно-философской актуальности диссертации.

Короче, если высказаться метафорически, смерть (в том числе, и смерть в человеческом универсуме) может быть представлена как некая постоянная и неизбежная дань, которую жизнь приносит всей полноте и многоединству Бытия, да и само Бытие – приносит силам энтропии. Иными словами – как момент непрерывного воспроизводства жизни. Если угодно – ее перманентного «воскрешения». Или – если вспомнить Гёте – *Stirb und werde!*

Следовало бы отметить и интеллектуальную смелость диссертанта – его выход за пределы прежде полузапретных, «табуированных» в нашей мысли и культуре тем³, выход в область тех явлений, которые в той или иной мере (даже вопреки постулатам Платона) страшат каждого из нас, подстерегая нас на каждом шагу наших индивидуальных, коллективных и всеобщих путей (см. с. 5). Отчетливое понимание неотступности этого всегда неразгаданного феномена смерти обусловило в самых общих чертах необычную и творческую задачу диссертанта – попытку обосновать «социальную онтологию смерти» (с. 6).

На взгляд автора, сама эта онтология – универсальна. С ней неизбежно связан подлинный опыт человеческой жизни, мысли и искусства. Связан вне зависимости от того, принимают или отмахиваются от нее те или иные воззрения: религиозные, агностические, атеистические⁴ (см. с. 38-39, 134). К трактовке всей этой проблематики Николай Андреевич подходит как зрелый и образованный исследователь, да к тому же и владеющий доброкачественным, категориально не перегруженным, но именно *философским языком*.

*

³ Если не считать темы героизации смерти идеологически мотивированной, смерти «во имя».

⁴ Вспомним популярный в 60-е годы прошлого столетия фильм по сценарию Самуила Алёшина «Всё остается людям» с участием замечательного актерского дуэта: Николай Черкасов и Элина Быстрицкая. Программно-атеистический фильм, но всё же сознающий и пытающийся заглянуть в непреложный и энтропийный характер смерти и связанных с нею утрат. Действительно, научные разработки уходящего из жизни профессора «остаются людям», но вот широта его души и обусловленная ею научно-теоретическая интуиция – едва ли...

Остановлюсь на некоторых положениях диссертации Николая Андреевича, которые привлекли особое мое внимание.

Образ смерти – явно или неявно, вольно или невольно – пронизывает всю историю мировой мысли и культуры, пронизывает процессы нашего сознания и подсознания. Но, при всей его неотступности, при всё его психологическом постоянстве, этот образ (здесь наш диссертант справедливо следует за трудами Филиппа Арьеса и Вл. Янкелевича) всегда динамичен и историчен. В истории он проявляет себя в разнообразных институциональных, религиозных, философских и эстетических оформлениях (см. с. 78 и сл.). Однако для меня, как исследователя по преимуществу современных глобальных проблем (включая и проблемы социально-философского плана), особо значимы преломления проблематики смерти именно в условиях современной эпохи.

Специфику этих преломлений диссертант справедливо связывает прежде всего с технологическим отчуждением нынешней социальной практики, мысли и культуры. По мысли диссертанта, результаты этого отчуждения амбивалентны. Само свойственное современной цивилизации гедонистическое и потребительское отношение к миру и к самой «материи» межчеловеческих связей провоцируют одновременно и «табуирование темы смерти», и – «притягательный ореол вокруг темы смерти», провоцирующий и терроризм, и суицидальное поведение, и криминальные наклонности отдельных индивидов и групп (см. с. 107). И одновременно – коммерциализацию смерти (похоронный бизнес и связанная с ним коррупция, журналистика бумажная и электронная, танатологические символики в массовой культуре, демонстративная тяга к примитиву). Характерное для традиционных и раннетоталитарных эпох государственно-клерикальное «смертобóжество» (т.е. вольное или невольное поклонение силам разрушения и смерти – категория, введенная последователями философа Н. Ф. Федорова и подкрепленная Н. А. Бердяевым) отчасти замещается «смертобóжеством» технологического отчуждения. Иными словами – техно-бюрократическим омертвлением, распространяющимся и на сферу отношений духовных. И как результат – деморализация молодежи и пренебрежение опытом, ценностью и страданием старости (см. с. 107-112). Технологическое могущество оборачивается всё тем же, по существу, архаическим «страхом смерти» (с. 134)⁵. А последний во многом подкрепляется частичной утратой метафизического измерения в человеке и, по словам диссертанта, безусловной «гегемонией социального» (с. 107-117).

⁵ Таков один из важнейших сюжетов новейших трудов Н. В. Мотрошиловой и В. М. Хачатурян.

Иначе говоря – прямолинейным социоцентризмом современной мысли, культуры и общественно-политической практики.

Правда, я был бы несколько более осторожен в своем философско-критическом подходе к современности.

Еще Н. А. Бердяев во множестве своих работ говорил о философской заслуге Маркса, поставившего вопрос о социальности как об одном из предельных вопросов человеческого существования. На мой взгляд, социоцентризм, равно как и его утонченно-превращенная форма – культурцентризм, несут в себе не только вящие формы человеческого отчуждения, но и новые опыты человеческого понимания, сострадания и солидарности. И во многом это связано с информационной прозрачностью нынешнего мира. И, может быть, не наша вина, но, скорее, наша беда, что, живя в нынешнем ожесточенном и атомизированном российском обществе, мы не всегда способны разглядывать новые тенденции понимания, сострадания, солидарности и взаимной поддержки, которые несут с собой гражданская, церковная и художественная жизнь «информационной» эпохи.

А ведь каритативный опыт приоткрывает перед человеком и новые горизонты отношений к проблематике жизни и смерти.

Но, во всяком случае, я признателен Н. А. Борисову за его заостренную и философски обоснованную трактовку наболевших вопросов сегодняшнего дня. В частности, и за постановку проблемы культурного социоцентризма.

*

И всё же – не могу не высказать одну претензию в адрес Николая Андреевича, которая кажется мне существенной.

Проработка социально-философского вопроса об *институтах преднамеренного причинения смерти* была бы предметом особого исследования. Но всё же, как мне кажется, стоило бы всерьез *оговорить* эту столь важную проблему.

Лично я насчитываю, по крайней мере, пять таких институтов:

- человеческие жертвоприношения,
- смертная казнь,
- поединок,
- война,

- деятельность криминальных и террористических организаций⁶.

Вообще, с точки зрения исторической и историко-культурной, границы в деятельности и специфике этих пяти институтов выглядят весьма размытыми. Но их теоретическое различие представляется весьма важным.

Проблема взаимосвязи этих пяти институтов (в ее философском, психологическом и историческом измерениях) наиболее подробно, хотя, может быть, не всегда систематично и последовательно, рассматривается в капитальном труде Эриха Фромма “Anatomy of Human Destructiveness” (имеется и русский перевод)⁷. К сожалению, ссылок на этот труд диссертация не содержит.

К этим пяти устоявшимся в истории институциональным формам добавляется в наши дни еще и шестая: прекращение медиками жизни пациента из жалости к его невыносимым страданиям. Форма сугубо современная, связанная с компьютерной диагностикой и – не побоюсь сказать – особо надрывная. Такого рода умерщвление приобретает характер некоего латентного, хотя и не вполне оформленного социокультурного института, иной раз скрепляемого согласием родственников умерщвляемого пациента и медицинскими протоколами⁸.

Однако – понимаю: изложенное в приведенном выше соображении – это целая исследовательская программа. Так что сказанное – не столько упрек, сколько пожелание молодому исследователю на будущее. Сама же диссертация Николая Андреевича производит самое благоприятное впечатление.

*

Автореферат адекватно отражает содержание диссертации, вместе с публикациями, среди которых – 4 статьи в журналах, аккредитованных ВАК, а также 5 статей в иных научных изданиях.

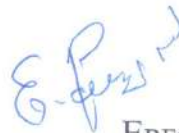
⁶ В отношении последнего института особо значимыми в отечественной литературе представляются труды Е. А. Степановой.

⁷ N. Y.: Doubleday, 1973.

⁸ Едва ли не самый знаменитый казус – снятие с аппарата искусственного дыхания по решению консилиума и по согласованию с родными (после 11 лет коматозного состояния) экс-премьера Государства Израиль Ариэля Шарона (11 января 2014).

Диссертация Н. А. Борисова «Смерть как предмет социальной философии» является самостоятельным исследованием и отвечает всем требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. за № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а соискатель – Борисов Николай Андреевич – заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Москва, 30 августа 2019

Евгений Борисович Рашковский,

доктор исторических наук,

специальность 07.000.03 – Всеобщая история,

главный научный сотрудник

Национального исследовательского института мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН.

Адрес организации: 117997, г. Москва, улица Профсоюзная, 23

eug.rashkov@gmail.com

Подпись Рашковского Е.Б.
ВЕРЯЮ

д.в. Отд. кадров ИМЭМО РАН

02.09.19г.

(Мисаренко И.И.)